

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ ВО «ВРЕМЕННОКЕ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА*О. А. Туфанова*

В исследовательских работах не раз отмечалась жанрово-стилистическая оригинальность, противоречивость, отрывочность «Временника» Ивана Тимофеева¹, в котором «впервые в русской литературе появляется идея невыразимости мысли словом»². Вместе с тем почти все медиевисты, обращавшиеся к тексту памятника, признают, что в нём, как ни в одном другом произведении эпохи Смутного времени в России, отражён «наиболее полно внутренний мир человеческой личности во время исторического кризиса»³, а основой кумулятивной композиции становится цепочка «психологизированных портретов исторических деятелей эпохи Смуты»⁴, начиная с Ивана Грозного и заканчивая Михаилом Романовым. Будучи приверженцем сильной монархической власти⁵, Тимофеев делит царей на истинных и ложных. В основе их изображения лежит принцип контраста, выстраиваемый на симметрии как ведущих символических образов, так и отдельных черт, по которым сопоставляются и противопоставляются истинные и ложные правители⁶.

На фоне этой основной линии раскрытия событий эпохи Смуты (сквозь призму особенностей личностей правителей, их деяний, индивидуальных судеб) женские образы представлены сравнительно скромно, и, как следствие, их роль в художественной структуре памятника практически не привлекала внимание исследователей. Исключение, пожалуй, составляют две работы — О. А. Державиной «Дьяк Иван Тимофеев и его “Временник”»⁷ и Л. И. Боевой «Древнерусские повести (жанры XVII века)»⁸, — в которых содержатся лаконичные упоминания о значении и особенностях изображения женских образов во «Временнике». Между тем женские образы, пусть и намеченные зачастую пунктирно, предстают в памятнике в сложных взаимосвязях с мужскими.

Прежде всего во «Временнике» реализуется принцип гендерной дополнителности, поддерживающий ведущий приём контрастного изображения истинных и ложных царей. Проводя чёткое разграничение между истинными царями, к каковым причисляются Иван Грозный, Фёдор Иванович, и самозванцами (например, Лжедмитрий I), Тимофеев в соответствии с этим принципом изображения строит и характеристики цариц — их жён. При этом краткие, но выразительные, по словам О. А. Державиной⁹, характеристики цариц, в силу издавна сложившихся в древнерусской литературе представлений о добрых и злых жёнах, рисуются графически, в чёрно-белой гамме, они статичны, неэмоциональны, можно сказать, однохарактерны, предельны в своей благостной положительности и порочной отрицательности. Но во всех случаях упоминания в тексте они всегда тесно связаны с именами царей, и на протяжении всего повествования прослеживается одна и та

же взаимосвязь: истинным царям сопутствует образ доброй жены, самозванцам — образ злой жены. Причём, как и в случае с самими венчаными царями (законно или незаконно воссевшими на русский престол), царицы противопоставляются по нескольким критериям, которые и формируют набор положительных и отрицательных качеств, рождающих представление о добрых и злых жёнах правителей.

Одним из важнейших параметров, по которым противопоставляются образы цариц эпохи Смуты, является их происхождение и имя. Несомненным достоинством в глазах дьяка И. Тимофеева становится национальная принадлежность: не случайно он открывает краткую главу, посвящённую Анастасии Романовне, супруге Ивана Грозного, следующими словами: «...не от стран призва... но своя его земли дому изобрел, от синклитска роду» (18). Подчёркивает: «Российска жребия мирови царицу» (18) [аналогичным образом определяет Тимофеев и статус сестры Бориса Годунова, жены Фёдора Ивановича: «...всё же Россия госпожи...» (62)]. Рассказ об Анастасии Романовне во всех случаях упоминания её имени в тексте ведётся исключительно с уважительной интонацией, автор либо почтительно упоминает её имя-отчество, либо называет «женой», «матерью» (20–21); «супругой», «сестрой» именуется Тимофеев Ирину Годунова. Эти прямые родственные именованья в контексте «сознательной тайнописи дьяка Ивана» (термин О. А. Державиной), склонного к использованию таких приёмов, как перифраза, иносказания, метафорические замены, воспринимается как средство возвышения героинь вследствие прозрачности использованных лексем, создающих особую, правильную атмосферу вокруг имён этих русских цариц. Иначе Тимофеев строит рассказ о Марине Мнишек. Ни разу на протяжении всего повествования он не называет её по имени, но, используя приём парафразы, подчёркивает её полное соответствие Гришке Отрепьеву: последний выступает в роли «сквернителя» (86), и супруга его, следовательно, «сквернавица» (86), иностранка, не избранная от «своя ... земли дому», а привезённая по обещанию: «Вскоре обещанная оного сквернителя сквернавица и за грехи наша обладателя пославшимся по ню в царский град приводится неким от синклит стаинником... с отцем ... в царский град приведёся...» (86–87).

Характеризуя образы цариц, Тимофеев прибегает внешне к одному и тому же мотиву украшения, но наполняет его разным содержанием в зависимости от того, о какой — русской царице или иностранке — идёт речь. Резко контрастна тихому гармоничному сочетанию душевных добродетелей и красоты телесной в облике русских цариц кричащая внешняя красота, а точнее, украшения Марины Мнишек. Ср.: об Анастасии Романовне — «...душевными добродетельми телеснаго благородия пребольшу же, яко рясами некако украшену всю...» (18); М. Мнишек — «Богопротивно, обаче всеукрашене бо та в царских лепотах ... огнеподобно же ереси яростию ... дыша...» (87).

Столь же резко противоположны и природно-сопоставительные образы, применяемые автором для характеристики внутренних качеств героинь. Если супруги законных царей уподоблялись «горлицам», «голубицам» [например, о супруге Фёдора Ивановича: «Супруга же его ... яко твердо заклепанная голубица, горлицы подобяся разлучением подруга...» (27)], «добрым маслинам» [об Анастасии

Романовне: «яко маслина доброплодна» (18)], то Марина Мнишек — это и «человекообразная аспид», и «ехидна» (87).

Одна из ведущих бинарных оппозиций в изображении истинных и ложных царей во «Временнике» — мотивы благочестия/бogoотступничества, аналогичные мотивы становятся доминантными в создании образов «добрых» и «злых» цариц. Так, Анастасия Романовна сравнивается с Анной, матерью библейского пророка Самуила, которая выпросила себе сына молитвой. В трогательных выражениях описывает Тимофеев горе царствующих родителей в связи с преждевременной смертью царевича Дмитрия (старшего брата Ивана Ивановича), их совместную покаянную молитву в лавре преподобного чудотворца Никиты, единение, эмоциональную слитность в благочестивом горении и дарование второго сына — Ивана Ивановича: «...оного, благодати тезоименного, <...> родителем молитва дарова <...> Иегда града Переяславля дошедшу, в лавре преподобнаго чюдотворца Никиты, у целебноснаго гроба его, вкупосупружное моление прилежно совершив, святому по бозе чада своего лишение и безгодную всяко неже царску смерть богосмотрительнаго прилучения, з горькими рыданьми своего вопля плачь, яко к живу, возвышенными гласы бедне возвестиша вкупе, и своих им грех безсрамие обличение, и неприкладную таковую печаль по бозе нам возложиша всю, могущаго печаль их скоро преложити на радость» (20–21). В возвышенно-благочестивых тонах и образах рисует Тимофеев и поведение царицы Ирины, супруги «благочестивого»¹⁰, «освятованного»¹¹ царя Фёдора Ивановича, прославившегося своим иноческим поведением и молитвенными, духовными подвигами: «Супруга же его, великаго, по нем умилене, <...> плача и рыдания многа, слышания достойно, от царских изшед чертог во общее сопребывание, ангельскаго великаго сподоблься образа» (27–28).

Лжедмитрий I уподоблен в памятнике сатане, соответственно Марина Мнишек сопоставляется с жёнами, о которых сказано в Откровении Иоанна Богослова, что они «огнеподобно ... дыша ... благочестиву хотя потопити изо уст водою» (87). Но Марина Мнишек не водою — кровью затопила всю Россию: «Но убо ехидна сия аще и не водою, яко же та, но Росия вся, мир наш кровию от нея потоплен бысть» (87).

Таким образом, традиционный общехристианский топос противопоставления доброй и злой жены с соответствующим набором стереотипных качеств (работящая — ленивая, праздная; богобоязненная — «сомнительно религиозная и даже стихийно атеистичная»; покорная, смиренная, тихая — непокорная, властная; красивая внутреннею красотой, «светом ума и тихости» — «красавица, знающая себе цену, да к тому же ещё и “мажущая”, “красящаяся”»¹²) существенно переосмыслиется на страницах «Временника». Образы цариц, противопоставляемых по нескольким критериям (русское и иноземное происхождение, нравственные добродетели и нечестивые пороки, смягчающее воздействие и распаление злобы в царях), самоценны не сами по себе, а как дополнительное средство характеристики истинных и ложных царей. Именно этим объясняется отчасти лаконизм характеристик жён истинных царей и самозванцев, показанных на страницах «Временника», по выражению Н. Л. Пушкарёвой, «вне какой-либо “психологии возраста”, в каком-то идеальном, вневременном состоянии», как «образно-символическая конструкция

определённых идей»¹³, доминирующими среди которых становятся национальная принадлежность и соответствие их по нравственным качествам законным и самовластным правителям. В то же время характеристики цариц в памятнике традиционно статичны и прямолинейны, лишены динамики, заданы как бы изначально и символизированы в привычной для древнерусского читателя дихотомии фольклорно-библейских образов.

Помимо принципа гендерной дополнительности, во «Временнике» находит выражение и принцип гендерной зеркальности, при котором женские образы оказываются противоположны соответствующим им в семейно-брачных отношениях мужским, на что впервые обратила внимание О. А. Державина. Исследователь отмечала: «Светлый образ Анастасии Романовны противопоставлен мрачному характеру её мужа — царя Ивана Грозного. Близка ей Ирина Годунова, жена Фёдора Ивановича, ушедшая в монастырь после его смерти. Она противопоставлена не Фёдору, а своему брату Борису: он — неблагодарный злодей, убийца кроткого царя — “святого”; она — преданная жена, верная памяти мужа и после его смерти»¹⁴.

В то же время необходимо отметить, что контрастное сопоставление Ирины и Бориса Годуновых выполнено в акварельных, едва намеченных мотивах. Так, рассказывая о добровольном принятии Ириной монашества в Новодевичьем монастыре, Тимофеев пишет, что она «умилена ... от царских изшед чертог во общее сопребывание, ангельскаго великаго сподоблься образа» (27–28), по своей воле, словно исполняя завет царственного супруга, 6 лет «житие в посничестве препроводив» (28). Искренности, чистоте, духовно-нравственной высоте Ирины, чьи даже рыдания по муже «слышания достойны» (28), Тимофеев противопоставляет «злоковарство», «лукавство» её брата, Бориса Годунова, который «в милостивне образе дел свою злобу ото всех крыя, злостотством в прикровении злобы своея всех благороднейших себе во царство превозшед» (28). И если для Ирины монашеское служение — это путь к Богу, путь к соединению в будущей жизни с умершим благочестивым супругом и дочерью, которую ещё «в пеленах, уневестив Хростови», царь Фёдор «в вечное царство преди себе послав уготovati ему на небесах жилище» (27), то для Бориса Годунова постриг — это способ избавления от неугодных. Например, Марию Нагую после гибели царевича Дмитрия «детоубийца» «мнишеским образом ненавистно облече» (43). Наконец, Ирина, выражает надежду Тимофеев, в награду за подвижническую жизнь после смерти соединилась с Богом венчанным супругом и умершей в младенчестве дочерью. Благочестивое семейство, по мнению дьяка, оказывается удостоено пребывания в раю: «...в независтнем царствии купно веселятся вечно вси» (28). В отличие от сестры, Борис Годунов не то что рая не будет удостоен, но даже его имя не имеет истолкования: «...писания толку не имать, яве, яко ни в животных книгах, богоненавистных си дел ради, не вписася от бога» (28).

Немаловажным представляется в художественном пространстве памятника и попытка представить мир душевных переживаний женщин. Конечно, это ещё не полнокровное раскрытие переживаний в связи с тем или иным событием, но, несомненно, интересная попытка обрисовать, пусть и в общих чертах, природу испыты-

ваемых эмоций. Непосредственное описание эмоций не является главной художественной целью автора «Временника», они вписываются в повествовательную канву рассказа о конкретных событиях. Более того, испытываемые чувства получают довольно чёткую атрибуцию, которая выполняет двойственную функцию в тексте: с одной стороны, она характеризует силу переживаний героини, а с другой — служит своеобразным обвинением в адрес организатора вызвавших их событий. Таковы, например, психологические зарисовки Марии Нагой.

Повествуя об исполнении злодейского замысла Бориса Годунова погубить царевича Дмитрия, Тимофеев довольно резко прерывает сравнительно динамичный рассказ о подготовке убийства, насыщенный традиционными библейскими образами, метафорическими выражениями, неожиданной статичной картиной, где в центре внимания оказываются два ярких образа — царевича и его матери: «...сугубы возрастам четверица осмодневнога ради по матери осмолетен ножом послушатели на зло заклан бысть предо очима своя ему матере» (29). В этом предельно лаконичном рассказе об убийстве поражает отсутствие привычных для повествовательной манеры Тимофеева эмоциональных прямых или переносных определений, самое отсутствие которых и делает специфику сцены «говорящей»: онемевшая, оцепеневшая фигура матери, видящей убийство сына. И далее в тексте эта сдержанная внешне статика взрывается глубоко эмоциональным риторическим вопросом: «Како тогда ея утроба не разседеся о бывшем?» (29) Образ «распавшейся утробы», этично-корректно высказанный как предположение, приоткрывает особенности метода дьяка Ивана Тимофеева: невозможность выразить словом весь сложный трагический комплекс эмоций, всю силу переживаний матери. И тем не менее в следующем же предложении автор атрибутирует её состояние как «болезнь»: «...едино рожшей того о сем болезнь бе тогда сведома» (29).

Чуть позже Тимофеев, вернувшийся к рассказу о деяниях Бориса Годунова, вновь прервёт своё повествование, вновь обратится к образу Марии Нагой, и теперь уже не скрыто, а явно выразит свою мысль: «...преумножением скорби и зельством горести тогда той яко упившися, едва душа у державней безгласна и вне себе бывши, яко бездушна зряшесь» (33). Ещё более конкретно Тимофеев высказывается о состоянии и мироощущении матери убиенного царевича в главе «О пострижении Борисом царицы Марии...», отождествляя насильственный постриг и ссылку со «вторым убийством по сыне» (44).

Психологическое состояние героини раскрывается путём скрытой драматургии немой сцены: статичный внешне образ разорван ужасом и болью изнутри, а целостная телесная оболочка не означает живой жизни внутри — убит не только царевич, убита и его мать: не случайно Тимофеев трижды в памятнике вводит тему смерти через образы «распавшейся утробы», «безгласной души», «бездушия» и, наконец, психологического «убийства». Такая, с одной стороны, мощь в описании испытываемых героиней чувств, а с другой стороны, лаконичность находят своё объяснение в тексте: по мнению автора, сила и глубина переживаний, которые испытывают державные, не сравнима с теми, что могут ощущать подчинённые, «яко же капля дождя к велицей пучине моря» (33).

Более детально и в то же время более традиционно Тимофеев описывает чувства Марии Нагой в связи с насильственным постригом. И в этом фрагменте доминирующим мотивом в характеристике чувств героини становится мотив печали и скорби, охватывающий и внешнее положение, в котором оказалась «бывшая ... мирообладателю свенешница», и внутреннее её состояние. Но подводит автор к этому мотиву постепенно, начиная с ярких деталей, каждая из которых формирует мотив пустоты и скудости, который и объясняет видимые причины её «двойной печали»: «... в лавру некую от мира сего удаляемых стран ту, кроме воли ея, всели в месте пуге, непроходне же и безводне, отстоямо свене всякого утешения телеснаго, и в скудости телесных потреб тамо затворити ю повеле ... нужных улишив ... даже до пища сосуд же и одежд и протчих ... потребами оскудил...» (44–45) Но эта скудость быта, удалённость от мира, отсутствие даже необходимого для жизни не более чем «приложение досадам» к глубокой скорби убитой горем матери. Даже если бы после убийства сына, рассуждает Тимофеев, Борис Годунов «премнога земного покоя ей сотворил», даровал все блага земного царства, этот «тленный земный покой» не утолил бы её печали и скорби, ибо он не просто «сыноубиением оскорбил» её, а совершил «второе убийство по сыне» (45). По сути, Тимофеев ничего нового к характеристике психологического состояния героини и не добавляет в этом фрагменте, лишь ещё раз акцентирует силу горестных чувств, испытываемых героиней, подчёркивая, что виновником её страданий, является «самозванный правитель» Борис Годунов. Это выводит нас на ещё одну важную микротему в изображении женских образов во «Временнике».

При внимательном прочтении памятника поражает множество показанных сравнительно подробно или намеченных пунктирно трагических судеб женщин. Как правило, причиной сломленной женской судьбы, согласно тексту «Временника», является нрав правителя. Так, царевич Иван Иванович «троебрачен же быв отца волею», и не потому, что его «подружие» умирали в зрелом возрасте, а «за гнев еже нань они свекром своим постризаеми суть» (19). Дочь убитого князя Владимира Андреевича Старицкого, Мария, по приказу Ивана Грозного, была выдана замуж за датского принца Магнуса (в 1573 г.), этот брак оценивается Тимофеевым как худой, датский принц именуется «Еллином», который «истинною же ... нечестива, худа, яко не бы изволил за такового вдати своєю крове» (24). Один и тот же мотив «оскорбления скорбью» использует Тимофеев для обозначения роли Бориса Годунова в судьбе и Марии Нагой, и своей сестры Ирины. Мать царевича Дмитрия он «сыноубиением оскорбил» и «потребами оскудил» (44). Не пожалел царь Борис и «соутробныя ему сестры ... сицевою како зелною скорбию ту оскорбити» (62), разлучив с супругом, умершим неестественной смертью. (Тимофеев, ссылаясь на слухи, неоднократно в памятнике говорит о причастности Бориса Годунова не только к смерти царевича Дмитрия, но и к смерти Ивана IV, его сына Фёдора Ивановича, которым он, как говорили «нецыи», подсыпал яд.) «Скорбь и болезнь вечну творяше» Борис Годунов многим опальным боярам, дочерей которых он «нуждею (наильно. — *О. Т.*) от зависти» велел «постризати, яко несозрелыя класы срезовати», ибо не было на то их согласия. То же, что сделал он чужим детям, и «о сестре сотвори» (62).

Убийства, насильственные постриги, совершаемые по повелению правителей, не остаются безнаказанными. Расплачиваются за их грехи жёны и дети, повторяя трагический путь жертв своих мужей и отцов, что подчёркивается в тексте не только сходством судеб, повторением мотива насилия, но и прямыми авторскими комментариями, например: «По прехождению же времен и дщери его (Бориса Годунова. — *О. Т.*) не от коего тожде бысть невольное пременение риз...» (62). Таков финал жизни жены и сына Бориса Годунова, которых, по повелению Лжедмитрия I, «нужно бо удавиша» (62), «безсловесне некако и нужно обоих убиством осуди, увы, загнетанием смерти преда» (85). Порой участь дочерей правителей оказывается более жестокой и страшной, чем та, которая была их отцами уготовлена чужим дочерям. Так, повествуя о Ксении Годуновой, Тимофеев, с одной стороны, повторяет ту же речевую формулу трагического пути, что и в случае с другими аналогичными безымянными женскими судьбами: «...без тоя воля, яко несозрела класа, пожат, — во мнишеская облек» (85), а с другой стороны, осторожно вводит дополнительный трагический мотив надругательства над «твердозаклепанной» «юницею»: «...и со студом всяко» (62), «И чюдо, аще не бе ото отступника той тайноругательно что!» (85), «И оттуда на лета к болшему безчестию продолжися живот ея... И до толика безславия жизнь ея протяжеса, яко и до сего, — яко и иноплеменных язык, самых врагов отца ея, ту уничижене руки осязаша» (86). Подводя итог рассказу о судьбе Ксении Годуновой, Тимофеев вновь, как и при первом упоминании о ней, подчёркивает, что таковое бесчестие приняла она за грехи родителя: «Яве, яко за грехи родивших ю и сродных всех едина та за всех безчестие подъя» (86). Более того, дьяк встаёт на защиту чести дочери царя Бориса, настаивая на её невинности, на том, что всё произошло не по её воле: «И да никто же иже от zde глагол сопротивно некое тоя чистоте вознепщует, еже бы по изволению ея. Не буди то, — разве насилия многа от попушения, предисогрешившим ея родителем, той и неповинне сущи» (86).

Таким образом, судьбы жён и дочерей «злых» правителей словно отражают слова апостола Павла: все мы должны «носить бремена друг друга» (Гал. 6: 2); на уровне идей — это плата за грехи мужей и отцов, на уровне композиционных приёмов — это художественная реализация принципа зеркальности и взаимозависимости, что подтверждает сходство используемых речевых формул. При этом не новые в общем-то метафоры наполняются вполне конкретным жизненным материалом и приобретают трагический оттенок.

В целом, изображение женских образов во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева подчинено трём основным принципам: гендерной дополнительности, зеркальности и зависимости. Дихотомия образов супруг истинных и ложных царей восходит в своих мотивных характеристиках к общехристианскому топосу противопоставления доброй и злой жены, но переосмысливается в соответствии с конкретными историческими событиями, выдвигающими на первый план вопрос национальной принадлежности и веры. В памятнике предпринимается попытка проникнуть и во внутренний мир женщины через неявно выраженную драматургию сцен, сопровождаемую эмоциональными авторскими комментариями. Запечатлённая во «Временнике» палитра трагических женских судеб вписывается в общую инто-

национную канву всего повествования, обусловленную трагическим восприятием событий Смутного времени в России начала XVII в., и служит своеобразным средством оценки не только личности того или иного правителя, но и эпохи в целом.

¹ См., например: *Черепнин Л. В.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // Исторический архив. 1960. № 4. С. 162–177; *Солодкин Я. Г.* Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 14–20; *Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1949. Т. 60. Вып. 2. С. 135–192; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / подг. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 г. СПб., 2004. С. 351–409. *Коротченко М. А.* Публицистика смутного времени (проблематика, проблема авторской позиции, влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 2006. С. 6–27. И др.

² *Коротченко М. А.* Повести о Смутном времени // История древнерусской литературы: аналит. пособие / МГУ им. М. В. Ломоносова; ин-т мировой лит-ры РАН им. А. М. Горького; отв. ред. А. С. Демин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 179.

³ Там же.

⁴ *Боева Л. Й.* Древнерусские повести (жанры XVII века). София: университ. изд-во им. «Св. Климента Охридского», 1992. С. 79.

⁵ История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, докт. юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянца. Изд. 2-е, стереотип. М., 1998. С. 224–234; *Черепнин Л. В.* Тема государства в русской публицистике начала XVII в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 175–178.

⁶ См. подробнее: *Туфанова О. А.* 1) Принцип контраста во «Временнике» Ивана Тимофеева (на примере изображения царей и самозванцев) // Вестник славянских культур. 2008. № 1–2 (IX). С. 136–144; 2) Символ «инорога» во «Временнике» Ивана Тимофеева // Древняя Русь. 2008. № 2. С. 118–128; 3) Символ льва во «Временнике» Ивана Тимофеева // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 15 / Ин-т мировой литературы РАН; об-во исследователей Древней Руси. Отв. ред. О. А. Туфанова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 607–627.

⁷ *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 389–390.

⁸ *Боева Л. Й.* Древнерусские повести. С. 81.

⁹ *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 389.

¹⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 24, 25, 26, 28, 29 и т.д.

¹¹ Там же. С. 26, 27, 151.

¹² Цит. по: *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX). М., 1997. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/life/ofw/oman/index.htm> (дата обращения: 15.12. 2010).

¹³ Там же.

¹⁴ *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 389.